

УДК 32.01+32:002:004.8

ПОЛИТОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЛИКАЦИЯ СВЯЗИ «АГЕНТНОСТЬ/СТРУКТУРА» В КОНТЕКСТЕ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Е. М. Ильина

Белорусский государственный университет,
доцент кафедры политологии юридического факультета,
кандидат политических наук, доцент

Аннотация. В статье впервые с позиций политологического знания выявлены и систематизированы основные теоретико-концептуальные и методологические подходы относительно значимости структурных или интенциональных факторов при объяснении современных политических явлений и процессов в контексте цифровой трансформации.

Ключевые слова: агентность, структура, цифровая трансформация, политология, политический структурализм, политический интенционализм, диалектический подход.

Annotation. For the first time, from the perspective of political science, the main theoretical, conceptual and methodological approaches regarding the significance of structural or intentional factors in explaining modern political phenomena and processes in the context of digital transformation are identified and systematized in the article.

Keywords: agency, structure, digital transformation, political science, political structuralism, political intentionalism, dialectical approach.

Новым вызовом и одновременно широким горизонтом возможностей политологии, политического управления и международных отношений становится цифровая трансформация, перспективность исследования которой как одного из основных направлений современной политической науки особо подчеркивалась на IX Всероссийском конгрессе политологов с представительным международным участием экспертов из 28 стран мира [1]. С позиций политологического знания под цифровой трансформацией будем понимать исходящий из окружающей/внешней среды импульс/вызов на «входе» политической системы, кардинально преобразующий систему в целом или ее отдельные подсистемы и функции под воздействием цифровых трендов и технологий (искусственный интеллект, большие данные, виртуальная и дополненная реальность, «Интернет вещей», блокчейн, роботизация, аддитивные технологии и др.), имеющий неизбежный, комплексный и нестабильный характер с неопределенными, вариативными и непредсказуемыми последствиями [2, с. 92]. В условиях экспоненциального роста цифровых сквозных технологий и платформенных решений глобальная цифровая трансформация последних лет приводит к изменению самой природы и сущности структуры и агентности,

детерминируя наши привычные взгляды на их взаимосвязь во времени и пространстве, что актуализирует усилия белорусского государства по обеспечению национального суверенитета в сфере цифрового развития.

Проблема связи «агентность/структура» повлияла на политологию несколько позже, чем на социальную философию, социологию, психологию и иные дисциплины социальных наук, став сегодня политологическим мейнстримом, в том числе в русле академического спора, касающегося выбора методологических стратегий, исследовательских позиций и предпочтений относительно значимости структурных или интенциональных факторов при объяснении политических явлений и процессов.

Политологи, обращаясь к понятию «структура» для описания контекста или обстановки, в которой политические события происходят и приобретают смысл, ссылаются, как правило, на упорядоченный характер политических отношений, институтов и практик. При этом тенденция к упорядоченности политического поведения не обязательно означает, что оно предсказуемо, однако, чем больше влияние структуры, тем более предсказуемыми считаются реакции индивидов на деятельность политической системы. В политологическом дискурсе понятие «агентность» не сводится только к политическому действию или поведению, а ассоциируется также с рациональностью, рефлексивностью и мотивацией политических акторов [3, с. 94–95].

Позиции ученых относительно связи «агентность/структура» можно систематизировать по четырем ключевым концептуальным ракурсам.

Политический структурализм: приоритет структуры над агентностью. Познавательный акцент политического структурализма смещается в сторону взаимодействующих структурных образований и феноменов политики (главное место, как правило, отводится государству и иным политическим институтам), которые функционируют по ее направлениям и уровням в рамках политических процессов и отношений. В рамках структурно-ориентированных позиций (Л. Альтюссер) социальная реальность управляется сложным взаимодействием политических, идеологических и экономических структур, обладающих относительной автономией друг от друга. Однако личности или агенты не обладают автономной властью, они играют какую-либо роль только в той мере, в какой выступают «носителями» этих структур, которые они не способны видеть и существование которых они могут не осознавать. Политическая деятельность сводится к статусу эпифеномена.

Политический интенционализм: приоритет агентности над структурой. Сторонники данного течения, ставя во главу угла свободную волю действующего человека, полагают, что события интерпретируются в первую очередь посредством обращения к намерениям и действиям лица или группы лиц,

объяснительный акцент смещается на агентность, а структуре на этот раз придается второстепенный статус. Другими словами, структура, если она вообще упоминается, всегда считается существующей только как следствие или результат индивидуального либо группового действия. В рамках политологии особое значение имеют три близких с точки зрения исходных теоретико-методологических принципов направления политического интенционализма: теория рационального выбора, теория публичного/общественного выбора (К. Эрроу, Э. Даунс, Дж. Бьюкенен, Г. Таллок, М. Олсон), а также теория политического плюрализма (А. Бентли, Р. Даль, Д. Трумэн). Каждая из этих теорий отталкивается от бихевиористского подхода, подчеркивает роль личности или группы и обычно предполагает, что индивиды действуют для продвижения своих собственных интересов и личной выгоды.

Диалектический подход: взаимосвязь структуры и агентности. Ряд современных авторов придерживаются так называемого диалектического подхода, придавая равное значение как структуре, так и агентности и стремясь дать некоторое представление о том, как структура и агентность взаимодействуют и соотносятся друг с другом. Иными словами, они указывают на то, что не только агентность влияет на структуру, но и структура оказывает влияние на агентность. Наряду с теорией структуризации Э. Гидденса и реалистской теорией М. Арчер диалектическая интерпретация отношений структуры и агентности может быть представлена на примере стратегически-реляционного подхода Б. Джессопа и К. Хейя. Согласно данному подходу, действия акторов анализируются как структурно ограниченные, более или менее восприимчивые к контексту и структурирующие. При этом любое действие, в том числе интуитивное, рутинное или привычное, включает по крайней мере остаточный стратегический расчет текущей ситуации и может вызывать частичную трансформацию структурированного контекста. В связи с этим подчеркивается способность акторов изменять структурные обстоятельства посредством процесса активного стратегического обучения (повышения осведомленности о структурах, возможностях и ограничениях, которые они налагают).

Трансформация структуры и агентности: «деструктуризация» и концептуализация объектов как агентов действия. На современном этапе под воздействием цифровых технологий с учетом ускорения технологических циклов и развития платформенной занятости набирает темпы тренд «деструктуризации» — повышения изменчивости структур и снижения их обязывающей силы по отношению к агентности, приводящий к возрастанию объективных возможностей действия, так называемой трансформирующей агентности, по проактивному преобразованию структуры и созиданию новых институтов [4, с. 125–130]. В условиях структурной нестабильности ряд институтов экономики

совместного потребления — краудфандинг, краудсорсинг, коворкинг, коливинг, фрилансинг — актуализируют значимость цифрового доверия и солидарности между людьми, отчасти нивелируя необходимость традиционных форм социального контроля и привычных организационных структур с обязательными чертами модели идеальной бюрократии немецкого политолога М. Вебера. На государственном уровне примером легитимации идей деструктуризации может служить японская концепция «Общество 5.0» / «Суперинтеллектуальное общество». В условиях, когда цифровые технологии трансформируют саму структуру действия на принципах самоорганизации, децентрализации и саморегулирования, переопределяя политические отношения, основатели акторно-сетевой теории (Б. Латур, М. Каллон, Дж. Ло) и их последователи (М. Акринч, Н. Альбертсен, Э. Мол, В. Синглтон) наделяют агентностью материальные объекты в русле популярного латуровского тезиса «Вещи тоже действуют» [5, с. 90]. Согласно акторно-сетевой теории, вещи начинают «говорить» благодаря ученым, вписывающим в технологические объекты человеческие компетенции, усваивая и воспроизводя которые технологии раздвигают границы времени и пространства, позволяя социуму усложняться и делая его более устойчивым. Одной из импликаций семиотического механизма уравнивания вещей в способности действовать наравне с человеческими агентами выступает не только антропоморфизация техники, но и кибернетизация людей.

Таким образом, проведенное исследование показало, что практикующий политолог едва ли может игнорировать дилемму «агентность/структура». Представляется рациональным признать вопросы структуры и агентности неизбежной проблемой, требующей от политолога занять определенную позицию в ее понимании. Следует принять сложившиеся представления об относительной значимости структурных или интенциональных факторов при объяснении политических событий и сосредоточиться на политическом анализе существующих подходов к концептуализации взаимосвязи структуры и агентности, а не искать решение данной дилеммы. Порой крайности структурализма и интенционализма вводят политических аналитиков в искушение отстаивать позиции, которые, возможно, и не отражают всю многогранность и сложность политической реальности, поэтому важны критический анализ и рациональная интерпретация научной литературы по данной теме.

С позиций политологического знания рассмотренный стратегически-реляционный подход к проблеме «агентность/структура» является более убедительным и дает более четкое представление о том, как структура и агентность могут трансформировать друг друга. Данный подход интересен для политологов, поскольку получил свое развитие в контексте работы Б. Джессопа по теории государства [6], которая является одной из наиболее важных областей

изучения в политической науке, и большая часть дебатов по указанной теме предполагает размышления о вопросах структуры и агентности. Однако ни одна из предложенных диалектических моделей взаимодействия структуры и агентности пока широко не использовалась в качестве руководства для эмпирических исследований в политике.

Дилемму «агентность/структура» в условиях цифровой трансформации следует рассматривать не только и не столько в плоскости академического спора, касающегося выбора исследовательских позиций в политологии, сколько как насущную политическую и социальную проблему человеческого бытия, исследуя которую политологи пытаются дать ответ на фундаментальный вопрос: в какой мере акторы способны самостоятельно действовать, принимать жизненно важные решения и планировать свое будущее под внешним влиянием институциональных факторов или цифровых технологий, задающих/программирующих структуры возможностей для имплементации человеческих действий.

1. Гаман-Голутвина О. В., Сморгун Л. В., Тимофеева Л. Н. Россия и политический порядок в меняющемся мире: ценности, институты, перспективы : итоги IX Всероссийского конгресса политологов, Москва, 16–18 декабря 2021 г. // Политическая наука. 2022. № 2. С. 260–271. [Вернуться к статье](#)

2. Ильина Е. М. Политологическое измерение цифровой трансформации: от теоретической концептуализации к учебной дисциплине // Вестн. Брэсц. ун-та. Сер. 1, Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. 2020. № 2. С. 87–93. [Вернуться к статье](#)

3. Hay C. Beyond Structure versus Agency, Context versus Conduct // Political Analysis: a Critical Introduction. London : Red Globe Press, 2002. Ch. 3. P. 89–134. [Вернуться к статье](#)

4. Сорокин П. С. «Трансформирующая агентность» как предмет социологического анализа: современные дискуссии и роль образования // Вестн. РУДН. Сер. Социология. 2021. Т. 21. № 1. С. 124–138. [Вернуться к статье](#)

5. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / пер. с англ. И. Полонской ; под ред. С. Гавриленко ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М. : Высш. шк. экономики, 2014. 384 с. [Вернуться к статье](#)

6. Jessop B. State Power: A Strategic Relational Approach. Cambridge : Polity, 2007. 301 p. [Вернуться к статье](#)